

Ван Эргоу сказал:

— У тех, что растут из земли, тоже есть родители, верно?

У них есть дедушки и бабушки, и они родные, но при этом отсутствуют родители. Как бы это ни считать, всё кажется неправильным.

Бессмертная госпожа Цуй ответила:

— Если бы я была моложе на семь-восемь тысяч лет, ты бы называл меня мамой. А сейчас можешь звать меня бабушкой.

Лун Чи слегка задумалась и быстро поняла. Их семья не рождает детей, как люди, а считается семьёй, если они растут в одном месте. Таким образом, можно считать их родными, а можно и нет. Если бы не их защита, ей было бы трудно вырасти в безопасности. Она получила их благословение и должна помнить их доброту. Лун Чи встала, сложила руки в приветствии, поклонилась и почтительно произнесла:

— Лун Чи благодарит бабушку.

Бессмертная госпожа Цуй поспешила поднять её и сказала:

— Зачем ты так?

Затем она засмеялась:

— Моя маленькая внучка такая послушная и умная, даже знает, как поблагодарить бабушку. Но не нужно благодарности, мы же семья, родная бабушка, это естественно.

После этих слов она позвала Бельчонка, чтобы тот подал еду, и пригласила Нань Лицзю и остальных к столу.

Все сели за стол, и блюда начали подавать.

Первым блюдом оказалась тушёная медвежья лапа.

Нань Лицзю, глядя на медвежью лапу, заподозрила, что Бессмертная госпожа Цуй, возможно, выражает своё осуждение духу чёрного медведя, который напал на Хребет Женьшеневого Бессмертного и похитил их ребёнка, подавая это блюдо.

Ван Эргоу, привыкший к простой пище из зелени и каши, увидев ароматную тушёную медвежью лапу, едва сдержал слюну.

Однако здесь собрались уважаемые люди, и он не хотел ударить в грязь лицом, поэтому сидел

прямо, стараясь сохранить достоинство.

Бессмертная госпожа Цуй, увидев, что блюда поданы, сказала:

— Приступайте к еде.

На стол подавали изысканные блюда из даров Горы Великой Сосны.

Лун Чи, увидев, что Ван Эргоу, Нань Лицзю, Бабушка Бай и Красная матушка взяли палочки для еды, и даже её бабушка начала есть, тоже взяла палочки. Однако её взгляд всё ещё был прикован к бабушке, и она слегка недоумевала: неужели теперь, когда она выросла, можно есть другую пищу?

Пока она размышляла, на стол подали ещё одно блюдо.

Это была огромная миска, в которой лежала тушёная жирная горная курица, а рядом плавал корень женьшеня толщиной с руку младенца.

Женьшень с курицей!

Она была настолько шокирована, что едва не выронила палочки, и с удивлением посмотрела на Бессмертную госпожу Цуй, воскликнув:

— Бабушка, женьшень, женьшень с курицей?

Она была настолько взволнована, что голос её слегка дрожал. Как дух женьшеня, она ела женьшень, что было равносильно людоедству.

Бессмертная госпожа Цуй вздохнула, глядя на свою простодушную внучку, и сказала:

— Женьшень, который обрёл разум, называется духом женьшеня, а тот, что не обрёл разум, — это просто лекарство! Если женьшень не обрёл разум, даже если он растёт тысячу лет, он остаётся лекарством. А если обрёл разум, даже если это маленький росток, он уже дух.

Она продолжила, вспомнив, что Лун Чи не знакома с порядками Горы Великой Сосны:

— На Горе Великой Сосны духи, обретшие разум, регистрируются у местного горного бога, получают его покровительство и становятся духами с демонической переписью. Если дух с демонической переписью убивают, горный бог видит это по табличке жизни и начинает расследование. Убийство духа с демонической переписью приравнивается к убийству человека.

Лун Чи поняла: это что-то вроде системы регистрации. Она спросила:

— Как отличить духов с демонической переписью от тех, у кого её нет?

Бессмертная госпожа Цуй ответила:

— Назови своё имя, покажи табличку жизни. Табличка жизни состоит из двух частей: одна у духа, другая у горного бога. Если дух умирает, табличка трескается.

— Ты родилась раньше времени, поэтому мы ещё не успели сделать тебе табличку и зарегистрировать.

— Обычно, если встречаешь духа, обретшего разум, и он не совершает злодеяний, не стоит его убивать.

— Даже обычные животные, не обретшие разум, — это живые существа. Если только не для пропитания, не стоит их убивать без нужды.

— Если убивать слишком много живых существ в горах, горный бог разгневется.

— На Горе Великой Сосны есть ограничения на то, сколько лекарств могут собрать травники и сколько зверей могут добыть охотники. Если кто-то слишком жадный, злой и убивает без меры, он оставит свою жизнь в горах.

Ван Эргоу украдкой вздрогнул и посмотрел на Бельчонка, который стоял у ворот и руководил служанками, подающими еду. Он подумал: «Хорошо, что Сяо Цзы не поджарил его на огне.»

Лун Чи кивнула и сказала:

— Мой учитель тоже так меня учил.

Вспомнив своего учителя, она погрузилась в раздумья, и её сердце наполнилось грустью.

Она повернулась к своей бабушке и увидела, что та лишь слегка притронулась к еде, а затем налила себе тарелку супа из горных грибов.

Её старшая сестра, напротив, с удовольствием ела суп с женьшенем, медленно пережёвывая корень, и при этом смотрела на Лун Чи.

Лун Чи почувствовала неприятный озноб и поспешила последовать примеру бабушки, начав есть суп из грибов и больше не глядя на Нань Лицзю.

Нань Лицзю слегка улыбнулась и продолжила есть.

Наевшись, Ван Эргоу с удовольствием погладил свой набитый живот, чувствуя, что наконец-то наступил светлый день. Хотя семья его старшей сестры Нань обанкротилась, неожиданно

появилась бабушка Сяо Цзы, и, судя по всему, её семья была богатой, раз могла позволить себе открыть такой большой ресторан в Городе Уван. Он задумался о том, чтобы заняться каким-нибудь делом, так как теперь, когда он больше не мог наживаться на Трупном берегу, нужно было найти другой способ зарабатывать деньги.

Они перешли в чайную комнату, чтобы выпить чаю, и когда на улице рассвело, а призраки разошлись, Бессмертная госпожа Цуй попросила Бельчонка проводить их обратно во Дворец Сюаньньюй.

Лун Чи сказала:

— Не нужно, мы сами вернёмся.

Она пошла за Нань Лицзю к выходу и, обращаясь к Бессмертной госпоже Цуй, сказала:

— Бабушка, возвращайся, я навещу тебя через пару дней.

Бессмертная госпожа Цуй ответила:

— Ничего страшного, мне нечего делать, я провожу вас.

Лун Чи хотела отказаться, но увидела, что на улице стоят семь больших грузовых повозок, каждая из которых была загружена доверху. Груз был накрыт грубой тканью, и нельзя было разглядеть, что внутри, но такое количество вещей выглядело весьма внушительно.

Бельчонок запрыгнул на одну из повозок и крикнул кучеру:

— Поехали.

Лун Чи протёрла глаза и внимательно посмотрела на кучеров, чтобы убедиться, что она не ошибается. Семь кучеров, и ни один из них не был человеком. Все они были одеты, их тела были худощавыми, но на них оставалась шерсть, а из-под одежды выглядывали хвосты. Лун Чи даже не нужно было приглядываться, чтобы понять, что это были либо ласки, либо лисы.

Эти «кучеры», стоявшие рядом с лошадьми, увидев, что она смотрит на них, почтительно поклонились и хором сказали:

— Маленькая госпожа.

Их тонкие голоса звучали довольно странно.

Лун Чи вспомнила, как последние шестнадцать лет своей жизни она занималась захоронением трупов и изгнанием духов, изгнав всех духов в радиусе десяти миль, а теперь она оказалась правительницей среди духов... маленькой правительницей в семье большой правительницы.

Вот уж действительно... судьба играет человеком.

Они дошли до разрушенных ворот Дворца Сюаньньюй, где повозки остановились.

Бельчонок приказал кучером снять ящики и аккуратно сложить их у ворот, после чего отпустил их. Он сказал Лун Чи:

— Маленькая госпожа, мы не можем войти во Дворец Сюаньньюй, подождём вас здесь.

Нань Лицзю сразу же вошла во дворец. Красная матушка и Бабушка Бай остались, чтобы помочь Ван Эргоу и Лун Чи перенести ящики.

Ван Эргоу, обладая большой силой и зная, что его старшая сестра бедна, быстро взялся за работу.

Лун Чи, увидев, что Красная матушка и Бабушка Бай, несмотря на возраст, тоже помогают, достала Мешок Цянькунь, чтобы упаковать вещи, но обнаружила, что он не работает.

Бельчонок, увидев это, подошёл к Лун Чи и тихо сказал:

— Маленькая госпожа, Мешок Цянькунь не может вмещать живых существ.

Лун Чи с удивлением посмотрела на ящики и спросила:

— В этих ящиках живые существа?

Бельчонок ответил:

— Подарки должны быть полезными.

Лун Чи сказала Бельчонку:

— Извини за то, что ударила тебя раньше.

Бельчонок поспешно замахал лапами:

— Ничего, ничего, всё в порядке.

Лун Чи извинилась и продолжила помогать переносить ящики в подземелье.

Она посчитала: на каждой повозке было пять-шесть больших ящиков, всего около тридцати-сорока, которые выстроились в ряд в подземелье.

Нань Лицзю, увидев, что все ящики перенесены, подкатилась на коляске к ним и начала открывать.

<http://bllate.org/book/15297/1351371>